

ВОСПОМИНАНІЯ А. К. ЛЕЛОНГЪ

Съ 1-го Сентября у насъ начались уроки. Въ пансіонѣ я нашла большую перемѣну во всемъ, кромѣ стола, который остался такимъ же скуднымъ какъ и раньше, меню нашихъ обѣдовъ не измѣнилось. — Комнаты всѣ были вновь окрашены, вездѣ было чисто и не было уже прежняго мрачнаго вида. — Въ учителяхъ тоже я нашла перемѣну, явился новый учитель ариѳметики, на нее стали обращать больше вниманія, чѣмъ прежде. Учитель русскаго языка въ нашемъ классѣ тоже былъ другой, не Перепелкинъ (мужъ Павлы Игнатъевны.) Новаго учителя мы всѣ сразу полюбили, его фамилія была Некрасовъ. Мои товарки, дѣвочки, говорили, что отъ насъ взяли Перепелкина потому, что Павла Игнатъевна боялась его оставить учителемъ въ старшемъ классѣ изъ ревности, такъ какъ сама—старая, и ко всѣмъ его ревнуетъ. Для меня все это было ново и непонятно, но мои подружки просвѣтили меня въ этомъ отношеніи. Некрасовъ былъ прекраснымъ учителемъ, онъ намъ много читалъ въ классѣ хорошихъ вещей и кромѣ классовъ просилъ позволенія у Маріи Игнатъевны приходить къ намъ два раза въ недѣлю по вечерамъ читать произведенія лучшихъ поэтовъ и беллетристовъ, мы ему многимъ обязаны, онъ заставилъ насъ любить литературу, умѣть читать съ толкомъ и понимать прочитанное. Онъ часто давалъ намъ на урокахъ разныя темы для сочиненій и вотъ разъ какъ-то уже зимой задалъ намъ такую тему: „отъ чего происходитъ невнимательность въ классѣ!“ Просилъ насъ писать, не стѣсняясь ничѣмъ, если причиной невниманія бываетъ и самъ учитель, то объяснить почему, урокъ ли его неинтересенъ, или непонятенъ, и вообще постараться выразить причины нашей разсѣянности въ классѣ. Задалъ, я помню, намъ это сочиненіе Некрасовъ въ субботу, всѣ дѣвочки были недовольны этой темой; говорили, что ничего не могутъ написать интереснаго и даже многія говорили, что прямо откажутся и ничего не напишутъ. Миѣ

же эта тема понравилась, я написала довольно большое сочиненіе, писала я, что причиной невниманія у меня бываетъ то, что иногда какая нибудь вещь или книга напомнить мнѣ мой родной домъ и мысль моя невольно перенесется въ деревню, гдѣ осталось все, что мнѣ дорого и мило, и вотъ на этой то почвѣ и развивается разсѣянность. Въ понедѣльникъ мы наши тетради отдали Некрасову. И я съ нетерпѣніемъ ждала ихъ возвращенія. Наконецъ, настала суббота. Некрасовъ намъ сталъ возвращать наши тетради. Каждой онъ сказалъ какое нибудь свое мнѣніе или замѣчаніе, дошла очередь и до меня и что же я вижу у меня внизу надписанъ самый высшій баллъ „5+“, и надпись „прочелъ съ удовольствіемъ“; передавая тетрадь мнѣ, онъ сказалъ: „благодарю васъ, пожалуйста, всегда относитесь такъ внимательно къ заданной вамъ работѣ, какъ вы это сдѣлали на этотъ разъ“. Восторгу моему, конечно, не было конца. Но потомъ часто мнѣ приходилось пожалѣть о томъ, что я такъ удачно написала это сочиненіе.

Бывало, въ классѣ Некрасовъ объясняетъ что нибудь скучное, о стихосложеніи напр., о ямбахъ и т. д. или станеть разбирать Карамзина, его статьи въ родѣ „Счастливыи возрастъ жизни“ и тому подобное,— ну, займешся чѣмъ нибудь другимъ. Некрасовъ сейчасъ замѣтитъ мнѣ: „г-жа Соловова, вы, вѣроятно, опять мысленно находитесь въ вашей деревнѣ, а не здѣсь съ нами“. Эти замѣчанія меня сердили и конфузили. Дѣвочки надо мной подсмѣивались и увѣряли меня, что Некрасовъ въ меня влюбленъ и что вѣрно мое сочиненіе выучилъ наизусть, что помнитъ его до сихъ поръ.—Зима этого года для меня была очень веселая, у Коли явилась страсть къ театру и намъ часто брали ложу.

Кромѣ этого онъ устроилъ дома сцену въ залѣ, подмостки почти въ половину комнаты. Нарисовали множество декорацій, для этого приходили какіе то крѣпостные живописцы, ходящіе по оброку. Всѣми работами руководилъ Коля и самъ помогалъ въ живописи. Онъ въ это время былъ въ 5-мъ классѣ и думалъ съ Рождества выйти изъ гимназіи, и дома готовится къ поступленію въ Университетъ. Въ гимназіи у него были какія то неприяности и изъ 5-го класса человекъ 15 рѣшили уйти: всѣ хотѣли вмѣстѣ заниматься, чтобы съ начала будущаго учебнаго года быть уже студентами.—Крестная этому желанію Коли очень сочувствовала. Она очень не любила директора 2-й гимназіи и рада была, что Коля уйдетъ отъ него.

Къ Рождеству мнѣ сшили прехорошенькія цвѣтныя платья. и крестная приказала мнѣ снять трауръ, говоря, что мнѣ слѣдуетъ и

потанцовать и вообще повеселиться, что въ траурномъ нарядѣ неудобно и что годъ траура уже почти прошелъ и что за отца я должна молиться, а черное платье пора уже сбросить. На Святки домой я въ этотъ годъ не ѣздила, при тогдашнемъ сообщеніи ѣхать на двѣ недѣли было невысказано. Да и мнѣ такъ было хорошо у крестной, что я не скучала о домѣ, какъ прежде. Явились другіе интересы, хотя Карцево съ обитателями было мнѣ дорого и мило по старому.

О нашемъ родномъ уголкѣ эту зиму въ Москвѣ мнѣ приходилось иногда на праздникахъ поговорить по душѣ съ моимъ деревенскимъ пріятелемъ „Гришкой“—сыномъ нашего ткача Герасима. Этого мальчика отдали въ Москву учиться башмачникомъ въ одинъ изъ лучшихъ московскихъ магазиновъ, и этотъ мой деревенскій другъ приходилъ къ крестной. Анисья его всегда ласково принимала, угощала вкусными яствами и давала обильный запасъ съ собой. Когда приходилъ Гришка, я оставляла всегда моихъ другихъ друзей и бѣжала повидаться съ нимъ. Послѣ свиданія съ Гришкой, я всегда возвращалась грустная, разстроенная къ моимъ милымъ товарищамъ. Эти свиданія переносили меня въ прошлое, я опять переживала съ нимъ наше милое деревенское дѣтство, которое, чувствовала я, прошло для насъ обоихъ безвозвратно. Мы сами подъ вліяніемъ города стали другими. Да и Гришку мнѣ было жаль, плохо ему жилось въ башмачномъ магазинѣ, но онъ безропотно покорялся этимъ невгодамъ. Такъ, на мои разспросы, какъ ему живется, онъ всегда отвѣчалъ такъ: „извѣстно какъ, всѣ живутъ такъ, и я такъ, никогда въ мастерскихъ лучше не бываетъ.“ Такіе отвѣты меня огорчали и выводили изъ терпѣнія, я требовала, чтобы онъ разсказалъ о своей жизни подробно и наконецъ начала задавать прямо вопросы, требующіе категорическихъ отвѣтовъ. „Ну, что же, ѣда плохая у васъ?“ спрашиваю. „Извѣстно, плохая, а то какая же бываетъ, да это бы наплевать, а ужъ бьютъ очень, всѣ куда попало.“—„Какъ бьютъ, за что бьютъ?“ спрашивала я въ ужасѣ, а онъ опять грустно апатичнымъ тономъ отвѣчаетъ: „Такъ, ни за что, просто для образованія бьютъ, необразованность нашу деревенскую выбиваютъ изъ насъ... и т. д.“

Изъ него впоследствии вышелъ прекрасный башмачникъ, который нажилъ деньжонки и имѣлъ свою мастерскую въ Коломнѣ. Мои милые московскіе друзья старались своими насмѣшками и шутками возратить мою всегдашнюю веселость, а Коля, бывало, скажетъ: „ну оставьте ее въ покоѣ, вѣдь эта Софья обо всемъ сохнетъ.“—На Святкахъ у насъ должны были идти безконечные спектакли и живыя картины. Коля и

всѣ его товарищи были очень заняты приготовленіями къ предстоящимъ удовольствіямъ. Крестную и Анисью мы тоже порядочно мучили, нужно было шить множество различныхъ костюмовъ, но въ этомъ дѣлѣ Звягинымъ очень помогла Вѣра Фавстовна, у ней была постоянная домашняя портниха и большая часть работъ была сдана ей.

Къ числу нашихъ товарищей прибавился еще одинъ гимназистъ, ровесникъ Коли: даже постарше его, нѣкто Лаврушевичъ, бѣдный мальчикъ, малоросъ, брошенный родителями. Коля разсказалъ о его бѣдственномъ положеніи матери, она устроила его къ кому то на квартиру, но на своей квартирѣ онъ бывалъ очень мало, а почти все время проводилъ въ домѣ Звягиныхъ. Коля очень къ нему привязался, а также и крестная; онъ умѣлъ какъ то особенно умно завладѣть ихъ привязанностью, которая впоследствии была роковой для всей семьи Звягиныхъ. Объ этомъ мнѣ придется, можетъ быть, сообщить въ моихъ запискахъ впоследствии, а теперь мнѣ не хочется мои дѣтскія и юныя впечатлѣнія омрачать разсказомъ этой страшной исторіи. Передъ Святками меня перевели въ старшее отдѣленіе послѣдняго класса, до окончанія полнаго курса мнѣ оставался одинъ годъ.

Первая пьеса, поставленная въ нашемъ домашнемъ театрѣ, по желанію Коли, была „Горе отъ ума“ Грибоѣдова. Мнѣ онъ навязалъ роль Софьи, а Соня играла Лизу, Коля Скалозуба, Лаврушевичъ—Фамусова, Марковъ—Молчалина, Горскій—Чацкаго. Зрителями были всѣ знакомые и родные крестной, Любавскіе. Селивановы Святки были въ Москвѣ, а Кошелевскіе на зиму не пріѣзжали, а былъ въ Москвѣ не на долго одинъ Павелъ Васильевичъ. Александра Александровна съ своимъ ненагляднымъ мальчикомъ Колей жила въ деревнѣ.—„Горе отъ ума“ конечно вышло самой смѣхотворной карикатурой; въ сильныхъ патетическихъ мѣстахъ всѣ хохотали до слезъ. Но смѣшнѣе всѣхъ, говорятъ, была я въ роли Софьи. Коля приходилъ въ отчаяніе отъ нашего провала, бранился и сердился на всѣхъ насъ ужасно. Слѣдующимъ спектаклемъ были водевили, тѣ сходили удачно, намъ аплодировали и хвалили.

Эти удачи успокоили и утѣшали нашего главнаго заправилу и режиссера. Живыя картины изъ сценъ русскаго быта были очень милы и красивы, всѣмъ нравились. Мы уже были не дѣти, а подростки. Кромѣ забавъ насъ интересовала и общественная жизнь. Война кончилась, ждали мира, условія котораго для насъ были очень и очень тяжелы, особенно всѣхъ и даже насъ огорчило извѣстіе, что намъ

нельзя будетъ имѣть Черноморскаго флота. Говорили, что скоро послѣ заключенія мира будетъ у насъ уничтожено крѣпостное право, чему мы, молодежь, очень радовались; а старшіе къ тому относились различно, но что меня больше удивляло, это то, что моя добрая чудная крестная, возмущавшаяся тиранами въ родѣ Чулкова и Морочниковой, не была рада предстоящей реформѣ, не любила даже говорить объ этомъ. Павелъ Васильевичъ, тотъ просто этому не вѣрилъ: помню, говорилъ такъ: „все это пустяки, не можетъ этого быть, много разъ уже объ этомъ заводилась рѣчь, а ничего не вышло.“

Василій Васильевичъ относился къ этимъ слухамъ. мнѣ казалось, такъ же, какъ и крестная. но за то Илья Васильевичъ вполне сочувствовалъ реформѣ, говорилъ, что она давно была необходима, что если будетъ уничтожено крѣпостное право, то будутъ и другія перемѣны въ нашемъ государственномъ управленіи и на этой почвѣ у него съ крестной завязывался самый горячій споръ.

Наконецъ, миръ былъ подписанъ и стало извѣстно, что нашъ молодой Государь 18-го Марта будетъ въ Москвѣ и самъ намъ объявить объ этомъ.—Я съ нетерпѣніемъ ждала этого радостнаго событія.

Между занятіями въ пансіонѣ, которыя при новыхъ учителяхъ стали гораздо интереснѣе, особенно были нами любимы уроки русскаго языка у Некрасова. Онъ намъ много читалъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ слушала его чтеніе стиховъ, тогда еще новыхъ и очень популярнаго однофамильца нашего учителя—Н. Ал. Некрасова. Стихи Некрасова были мнѣ очень по сердцу. тамъ все почти было проникнуто сочувствіемъ къ народу и прекрасно описывалась природа и деревенская жизнь. Кромѣ Некрасова онъ насъ знакомилъ и съ другими русскими писателями, читалъ намъ сочиненія Тургенева, Островскаго. „Дѣтство, отрочество и юность“ Л. Н. Толстого, отъ послѣдняго произведенія мы всѣ были въ полномъ восторгѣ. Дома по праздникамъ тоже жилось хорошо и весело, у насъ уже бывали маленькіе юные романы, полные наивной идилліи. У меня тоже были поклонники: Митя Селивановъ возилъ мнѣ, какъ галантный кавалеръ, цвѣты, крошечные букѣты живыхъ цвѣтовъ, которые зимой меня приводили въ восторгъ, а также и маленькія коробочки конфектъ, онъ писалъ мнѣ стихи въ альбомъ, который какимъ то образомъ уцѣлѣлъ до сихъ поръ у меня. Еще моимъ поклонникомъ былъ Горскій, котораго я терпѣть не могла. Коля рисовалъ на меня и моихъ кавалеровъ прелестныя каррикатуры. Въ Соню

были влюблены остальные наши юноши, особенно усердно ухаживалъ Коля и Марковъ, они часто ссорились на почвѣ ревности и я ихъ всегда мирила, онѣ всѣ шли ко мнѣ съ жалобами и всѣ искали у меня утѣшенія. Такъ прошла вся зима и масленица и вотъ Великимъ постомъ 18-го Марта разнеслась по Москвѣ радостная вѣсть, что Государь пріѣхалъ, и будетъ большой выходъ въ Успенскій Соборъ.

Тогда никакихъ охранъ не было и всѣ бѣжали на встрѣчу Государя и мы съ Колей и Анисьей отправились съ 6 или 7-ми часовъ утра въ Кремль, чтобы занять поближе и получше мѣсто. Ожиданіе наше продолжалось очень долго, я озябла, промочила ноги, но все это я уже почувствовала потомъ, и пока была въ Кремлѣ, всѣ мои мысли были сосредоточены на одномъ, что наконецъ я дождусь такого великаго счастья, увижу Государя. Наконецъ, зазвонили кремлевскіе колокола, загудѣло *ура*, на Красномъ крыльцѣ дворца показалась высокая, стройная фигура Государя. Лицо его мнѣ показалось прекраснымъ, съ чудными добрыми глазами. Государь что то говорилъ, за нимъ шла свита, но слышать мы ничего не могли. Отъ Краснаго крыльца былъ сдѣланъ помостъ, покрытый краснымъ сукномъ, по которому Государь прошелъ въ Соборъ. Послѣ этого мы едва выбрались изъ Кремля и попали домой только въ 2 часа. Я едва отогрѣлась, сейчасъ же сѣла писать домой о моей великой радости, о моемъ счастьѣ, что я видѣла близко Государя и что никогда не забуду этого счастливаго дня.

Пасху мнѣ пришлось почти всю пролежать дома, на первый день послѣ обѣдни у меня сильно заболѣла нога, такъ что я едва сняла ботинокъ, вся ступня распухла, оказалось, что у меня нарываесть большой палецъ отъ задравшагося ногтя. Пріѣхалъ Расцвѣтовъ съ визитомъ, осмотрѣлъ ногу и сказалъ: „ну, землячка, дѣло плохо, придется полежать праздники.“ Я чуть не заплакала съ горя. Но дѣлать было нечего, надо было ложиться и лежать, протянувши ногу. Хотя мои друзья часто и подолгу сидѣли со мной, но все таки лежать праздники въ чудную погоду, видѣть всѣхъ въ саду было очень и очень тяжело. Къ Ѳоминой нога прошла и я хотя въ туфлѣ, но поѣхала въ пансіонъ. Селивановы въ половинѣ Мая уѣхали въ деревню, мы съ Колей на Троицынъ день ѣздили къ нимъ, на этотъ разъ уже безъ Анисьи, какъ большіе, что намъ обоемъ было очень пріятно. Въ деревнѣ у Селивановыхъ мнѣ еще больше захотѣлось поскорѣе уѣхать въ Карцево, но пришлось пробыть до первыхъ чиселъ Іюня.

Коля, вышедши изъ гимназіи, очень усердно занимался, хотѣлъ непременно съ начала учебнаго года поступить въ университетъ. Ему въ началѣ Ноября должно было исполниться 16 лѣтъ и хотя въ Августѣ ему двухъ мѣсяцевъ съ лишкомъ не доставало до назначеннаго для вступленія возраста, т. е. 16 лѣтъ, но мать какъ то устроила это дѣло и ему было разрѣшено держать вступительный экзаменъ. Коля хотѣлъ для занятій остаться на лѣто въ Москвѣ, но мать не согласилась, и пригласила учителя къ себѣ въ Гремячево. И такъ, мы, не помню хорошо, числа 8—10 выѣхали изъ Москвы. Дома я все нашла по старому и была безконечно рада, что опять дома, но ни въ саду, ни въ парникахъ ничего моего не было. Виссаріонъ въ моемъ садикѣ, т. е. клумбочкѣ насадилъ какихъ то цвѣтовъ по своему вкусу. Мѣстечко въ парникѣ, которое всегда Виссаріонъ оставлялъ для меня, теперь было засажено его любимыми тыквами. Но за то сборъ грибовъ, поѣздки въ боръ, ловля рыбы удочкой въ Индриковѣ, какъ прежде доставляли мнѣ большое удовольствіе. Въ саду я застала жасминъ и розы въ полномъ цвѣту и сейчасъ же надѣлала множество букетовъ во всѣ комнаты. Убрала цвѣтами мой уголокъ въ тетиной комнатѣ.

Такъ пришлось пробыть немного меньше двухъ мѣсяцевъ, которые прошли очень быстро для меня. Я съ матерью ѣздила въ Любово и въ Кошелево, вездѣ меня хвалили, ласкали, особенно мнѣ пріятно было слышать похвалу отъ Александры Александровны. Я знала, что она это говорить отъ души лично мнѣ, а не для того, чтобы потѣшать мою мать. Въ Кошелевѣ этотъ годъ на вакацію пріѣхали глухонѣмые дѣти: Вася и Сережа, наши сверстники по годамъ. Тѣ очень любезно, какъ настоящіе свѣтскіе люди встрѣтили меня. Скоро вынесли къ намъ и крошку Колю, который уже началъ ходить и болтать старшіе братья сейчасъ же стали пантомимами объяснять, что Коля слышитъ и говорить, какъ всѣ. Александра Александровна не преминула опять со слезами радости повторить свой рассказъ, какъ она была счастлива, когда еще въ прошломъ году она впервые узнала, что Коля слышитъ.

Мать моя этотъ годъ уже не смотрѣла такой убитой горемъ, какъ это было въ прошломъ году. Занималась хозяйствомъ, но, кажется, не особенно удачно. Намъ дѣтямъ, особенно мнѣ, нашла множество русскихъ костюмовъ, которые сама очень искусно и красиво вышивала. Вообще о моемъ нарядѣ и прическѣ она стала очень заботиться. Ее приводили въ отчаяніе мои непослушные, густые, немного кудрявые волосы, она ихъ никакъ не могла привести въ желательный порядокъ.

Этимъ лѣтомъ былъ одинъ смѣшной эпизодъ, который далъ пищу моему суевѣрію. Помню, шли мы въ лѣсъ по рубежу. Съ обоихъ сторонъ стояла высокая спѣлая рожь и я, шедши рядомъ съ ней, пропускала ее въ рукѣ и вдругъ мнѣ попадается большой полный налитой двойной колосъ, я прежде такого никогда не видала, всѣ мои спутники со смѣхомъ поздравили: „Вотъ такъ находка нашей Нинушкѣ, въ этомъ году невѣстой быть, ей замужъ придется выходить!“ Всѣ, конечно, въ томъ числѣ и я, смѣялись и находили, что на этотъ разъ предсказаніе двойного колоса сбыться ни въ какомъ случаѣ не можетъ.—А, между тѣмъ, черезъ 7 мѣсяцевъ я была уже невѣста, а черезъ годъ съ небольшимъ была уже замужемъ.

15 Августа всѣ по обыкновенію были въ Куковѣ у Алексѣя Васильевича Селиванова, мать ѣздила туда одна съ Наташей и Пелагеей Алексѣевной.—Я же упросила меня оставить дома, такъ какъ это уже были послѣдніе дни моего пребыванія въ Карцевѣ. Звягины вмѣстѣ съ матерью прямо изъ Кукова пріѣхали къ намъ, пробыли у насъ одинъ день, захватили меня, и мы уѣхали въ Москву.—Въ Москвѣ все было полно приготовленіями и ожиданіями предстоящей коронаціи. Дворъ и Царская Фамилія уже пріѣхали, размѣстились высокіе гости въ загородныхъ дворцахъ: въ Нескучномъ и въ Петровскомъ паркѣ, а частью въ Кремлѣ.

Наѣхало множество иностранныхъ гостей.—Вообще вся Москва имѣла торжественный ликующій видъ. Всѣ и все ждали торжества коронаціи. Тогда въ доброе старое время всѣ отъ мала до велика такъ радовались такимъ событіямъ и никто ничего не боялся. Государь (всегда съ Ростовцевымъ) ѣздилъ, безъ всякой охраны въ открытой коляскѣ, всюду и вездѣ его сопровождали восторженные крики народа. У насъ въ пансіонѣ, хотя почти всѣ дѣвочки съѣхались, правильныхъ занятій не было. учителя часто пропускали уроки, да и на урокахъ часто разговаривали съ нами о предстоящихъ торжествахъ, сообщали другъ другу, какъ ученицы, такъ и учителя о томъ, гдѣ и какъ видѣли Государя. Нашъ милый учитель исторіи Куцыба описывалъ намъ характеръ Императора, онъ обожалъ Александра II-го. Говорилъ съ увѣренностью, что царствованіе нашего молодого Государя будетъ въ исторіи нашего Государства самымъ счастливымъ царствованіемъ.

Разсказывалъ о приготовленіи къ предстоящимъ торжествамъ въ кадетскихъ корпусахъ, мы уже знали, что на плацу 1-го кадетскаго корпуса готовится грандіозный фейерверкъ, что на Ходынскомъ полѣ

будетъ народное гулянье. Насъ послѣ 4-хъ часовъ, если за нами приходили, и въ будни отпускали домой: за мной часто присылали отъ Звягиныхъ. Помню, разъ пришелъ одинъ Коля съ запиской отъ матери, и хотя меня и отпустили, но просили другой разъ присылать когонибудь постарше. 23-го насъ отпустили домой до 8-го Сентября. Мы все время находились около Кремля, часто видѣли Государыню, Наслѣдника, покойнаго Николая Александровича, который по годамъ былъ нашимъ сверстникомъ. Это былъ настоящій красавецъ съ чудными глазами и прекраснымъ цвѣтомъ лица. Видали постоянно Великихъ князей, всѣ говорили о красотѣ Александры Иосифовны, но почему то у насъ въ интимномъ кружкѣ крестной Константина Николаевича и Александру Иосифовну не любили, считая ихъ недоброжелателями Государя. 26-го Августа была коронація, но мы этотъ день провели очень тихо, такъ какъ не только до Кремля, но даже съ Басманной до Покровки добраться было трудно. Вечеромъ смотрѣли волшебную чудную иллюминацію, такой она намъ казалась тогда, но теперь при роскошномъ свѣтѣ электричества, она, вѣрно, показалась бы очень скромной.

Не помню, какъ то въ первые же дни послѣ коронаціи какой то торжественный приѣмъ былъ во дворцѣ и подъ предводительствомъ очень юнаго офицера, брата мужа Алевтины Васильевны, Готарда Карловича, служившаго въ какомъ то гренадерскомъ полку, пришедшемъ въ Москву на коронацію, мы пошли въ Кремль. Этотъ юный офицеръ жилъ все время своего пребыванія въ Москвѣ въ домѣ Звягиныхъ и всюду бывалъ съ нами. Ему, какъ военному, всегда удавалось провести насъ, какъ своихъ родственниковъ, на хорошія мѣста. И вотъ въ день этого торжественнаго сѣзда въ Кремль мы видѣли проѣздъ всѣхъ иностранныхъ гостей, приѣхавшихъ на коронацію. Помню, особеннымъ богатствомъ и пышностью блисталъ выѣздъ австрійскаго посла Эстергази, а также интересны были турки въ своихъ чалмахъ и персы въ національныхъ костюмахъ. Помню также, вскорѣ послѣ коронаціи Государь, Государыня, Наслѣдникъ и вся царская фамилія проѣзжала по нашему Гороховому переулку, мимо нашего дома въ I-й кадетскій корпусъ и мы всѣ (да къ намъ еще собралось много знакомыхъ!) заняли мѣста у оконъ и прекрасно видѣли Государя и всю Царскую Фамилію. Погода весь Августъ и до 8-го Сентября стояла чудная, ясная, солнечная. 8-го Сентября былъ народный праздникъ. Крестная дала намъ коляску, въ которой помѣстились всѣ мы съ Алевтиной Васильевной и попали мы въ цѣпь катающихся. Угощеніе народное, какъ говорили тогда, было роздано и сѣдено раньше назначеннаго срока, такъ какъ, говорятъ,

провизія была испорчена и ее хотѣли поскорѣе уничтожить. Но фонтаны съ напитками продолжали дѣйствовать и мы видѣли, какъ толпы съ ковшами подходили къ нимъ и пили, все шумѣло, пѣло, веселилось, но никакой тѣсноты, никакой давки не было. Катающаяся публика ѣздила по назначенной для этого дорогѣ около всего Ходынского поля, мимо дворца въ Петровскомъ паркѣ. Погода испортилась, шелъ осенній мелкій дождь, но выбратъся изъ круга было невозможно. Ызда была самымъ тихимъ шагомъ, мы страшно проголодались. Алевтина Васильевна у какого то разнощика купила намъ за баснословно дорогую цѣну тартинки съ сыромъ. Домой вернулись, когда уже совсѣмъ стало темно. Послѣ народнаго праздника Царская Фамилія ѣздила къ Троицѣ и, по возвращеніи оттуда, 15 Сентября на плацу около кадетскихъ корпусовъ былъ сожженъ грандіозный фейерверкъ, мы имѣли прекрасныя мѣста, всѣхъ насъ опять провожалъ Готардъ Карловичъ Бьерклюдъ.

Мнѣ было очень пріятно, что онъ за мной ухаживалъ и обращался какъ съ настоящей взрослой барашней, а не какъ со школьницей пансіонеркой, какъ это дѣлали мои друзья-товарищи. Фейерверкъ мнѣ показался настоящей волшебной сказкой, весь плацъ имѣлъ видъ чуднаго цвѣтника изъ электрическихъ цвѣтовъ. Тогда электрическія лампочки были новостью и о нихъ говорили какъ о чудѣ, говорили, что освѣщеніе этого цвѣтника стоило баснословно дорого. Царская Фамилія сидѣла на балконѣ 1-го кадетскаго корпуса. Зданіе этого корпуса было прежній Лефортовскій дворецъ. Говорили, что Государыня пустила какую то птичку, отъ которой и загорѣлся фейерверкъ, но мы конечно ничего этого не видали, а видѣли, какъ запылали огненные фонтаны, полетѣли ракеты, римскія свѣчи. Во все время громадный хоръ военныхъ пѣсенниковъ пѣлъ гимнъ и другія національныя патриотическія и военныя пѣсни. Погода была прекрасная, такъ что мы всѣ вполне насладились этимъ зрѣлищемъ, и оно было послѣднее въ коронаціонныхъ торжествахъ. Послѣ 15 Государь и вся Царская Фамилія уѣхали въ Петроградъ. Настали будни, начались правильныя занятія въ нашемъ пансіонѣ. Но во всемъ строѣ нашей школьной жизни чувствовалось что то другое. Особенно это стало замѣтно на урокахъ Русскаго языка. Нашъ Некрасовъ постоянно приносилъ съ собой книги, которыя говорили о значеніи женщины въ общественной и политической жизни, много говорилъ о рабствѣ народа, о произволѣ помѣщиковъ, постоянно читалъ и декламировалъ стихи Некрасова, мы почти всѣ бывшія въ печати его стихи знали наизусть. Говорилъ, что уничтоженіе крѣпостнаго права уже рѣшено и что эта великая

реформа будетъ въ недалекомъ будущемъ. Читалъ намъ комедію Фонъ-Визина „Недоросль.“ Когда я приходила домой къ Звягинымъ, тамъ были тѣ же разговоры. Коля въ Сентябрѣ выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ университетъ на естественный факультетъ, былъ уже въ студенческомъ мундирѣ, которымъ очень гордился. Товарищи наши были все тѣ же: Марковъ, Горскій, Юркинскій и новый товарищъ Лаврушевичъ. Коля сталъ къ нему ближе всѣхъ, крестная тоже души въ немъ не чаяла, какъ говорится, онъ умѣлъ понравиться; шептался съ прислугой, которая тоже его обожала, сидѣлъ цѣлые часы съ крестной, она съ нимъ читала Евангеліе, съ Колей былъ веселъ, насмѣшливъ и сталъ первымъ его совѣтникомъ и другомъ. Миѣ онъ почему то всегда былъ непріятенъ, хотя очень былъ со мной любезенъ, старался всегда сдѣлать что нибудь пріятное, но я инстинктивно чувствовала въ немъ ложь, фальшь, притворство и лезть со всѣми, то, чего никогда между нами не бывало.

Селивановы въ Москву эту зиму не переѣзжали, а дома жили въ деревнѣ и потомъ уѣхали гостить къ роднымъ Вѣры Фавстовны, а оттуда отправились за границу. Говорили, что этого требовало здоровье Вѣры Фавстовны, но крестная часто о нихъ толковала съ милой нашей Натальей Николаевной Селивановой, у нихъ, кажется, опять вышла въ семьѣ ссора на почвѣ ревности. Дома у насъ устраивались чтенія все на тѣ же темы, все читалось о рабствѣ и подчиненіи женщины, что касается послѣдняго, то я въ зависимости женщины ничего не понимала и этотъ вопросъ меня не интересовалъ.

Но свободы крѣпостныхъ я ждала съ нетерпѣніемъ. Моя чудная добрая крестная не сочувствовала этому. Она съ горькой обидой возмущалась нападками на помѣщиковъ, говорила такъ: „неужели вамъ не стыдно въ вашихъ предкахъ и даже отцахъ разбирать только худое, неужели же между ними нѣтъ хорошихъ людей? Да, вотъ, на примѣръ, мои братья, особенно братъ Валя, и ея покойный отецъ,—говорила она, указывая на меня,—вѣдь, они, кромѣ хорошаго, ничего своимъ крѣпостнымъ ничего не дѣлаютъ и недавно Кузьма Ивановичъ, самъ бѣдный человѣкъ, а съ крестьянъ лишняго ничего не бралъ оброка. поборы натурой почти всѣ уничтожилъ.“ — „Полно, мать,—говорилъ Коля,—акаѳисты читать добродѣтелямъ помѣщиковъ. Конечно, вездѣ есть и хорошіе люди, да при существующемъ крѣпостномъ строѣ это капля въ морѣ. Мы говоримъ объ общемъ злѣ, которое скоро будетъ уничтожено, ну и, слава Богу. мы, молодежь, этому радуемся. Ты послушала бы, что у насъ говорятъ студенты, всѣ только и толкуютъ о предстоящихъ

перемѣнахъ, всѣмъ тогда много найдется дѣла по сердцу. Вотъ дождешься 60-хъ годовъ, увидишь, что тогда будетъ.“ — „Поживемъ, увидимъ, говорила крестная,—а я думаю, все больше одна болтовня будетъ; а хорошаго изъ нея ничего не выйдетъ.“ Такъ шла зима до Рождества, уже оставалось недолго, въ 20-хъ числахъ Декабря у насъ въ пансіонѣ должны были быть выпускные экзамены и актъ, а также и балъ, настоящій, съ оркестромъ музыки. Мы всѣ ждали этого событія, особенно тѣ, кто кончалъ курсъ и выходилъ изъ пансіона, я была въ числѣ этихъ дѣвицъ. Мнѣ хотѣлось къ Святкамъ уже быть дома совсѣмъ. Зима въ этомъ году была необыкновенная, въ Декабрѣ снѣгу не было, ѣзда была на колесахъ; въ Ноябрѣ были морозы и рѣки стали, но съ конца Ноября пошли дожди и ледъ сломался, ѣзда по дорогамъ, особенно дальнимъ, была почти невозможная.—Крестная мать говорила, что, по всей вѣроятности, праздники я проведу въ Москвѣ, такъ какъ за мной пріѣхать будетъ невозможно, увѣряла, что на святкахъ въ Москвѣ мнѣ будетъ весело. Коля тоже увѣрялъ меня въ этомъ.

Мнѣ къ акту сшили прелестное бѣлое кисейное платьѣ и купили широкую розовую ленту на кушакъ. Когда принесли мой нарядъ и меня нарядили въ него, крестная заставила меня всѣмъ въ немъ показаться. Наталья Николаевна и какіе то гости барыни, его одобрили; а Коля сказалъ: „Батюшки, вотъ такъ чудеса, два года назадъ явилась „золушка“, а теперь настоящая барышня, хоть куда; Богъ дастъ на Святки въ свою трущобу не попадешь и мы снова будемъ съ тобой отплясывать на всѣхъ вечерахъ въ этомъ платьѣ. Кавалеровъ у тебя будетъ много, хоть отбавляй, пожалуй, еще подерутся изъ-за тебя“. Но меня предположеніе провести Святки въ Москвѣ совсѣмъ не радовало, очень хотѣлось домой.—Экзамены у насъ этотъ годъ были обставлены очень торжественно. За экзаменаціоннымъ столомъ сидѣли высокопоставленные особы со звѣздами, архіерей въ клобукахъ. Экзаменовались въ этотъ день мы, выпускныя. Экзамень сошелъ хорошо, всѣ насъ хвалили. Насталъ актъ, на столахъ были разложены наши рисунки, листы съ каллиграфическимъ письмомъ, все на прекрасной ватманской бумагѣ, а также разныя вышитыя вещи по канвѣ и по „папье-посе“, но нашихъ трудовъ, кромѣ вышиванья, во всемъ остальномъ было очень мало, все было такъ поправлено нашимъ учителемъ чистописанія и рисованія, что мы съ большимъ трудомъ сами находили нашу работу. — Вечеромъ былъ балъ, собрались наши кавалеры, родственники дѣвицъ. Коля и Лаврушевичъ тоже были на этомъ балу. Послѣ былъ ужинъ съ пирожнымъ, а вечеромъ на подносахъ разносили фрукты и конфеты. Прошла послѣдняя ночь

въ пансіонѣ, на-утро я распрощалась съ подругами, Маріей Игнатьевной. Никакого горя при разлукѣ я не чувствовала, ни къ кому здѣсь особой привязанности я не имѣла. Съ учителями мы разстались наканунѣ послѣ бала. всѣ они намъ сказали много пріятныхъ вещей, мнѣ очень было жаль подумать, что я больше никогда не увижу Куцыбу, и Некрасова, уроки чьи я очень любила.

Дома меня всѣ поздравляли, крестная даже устроила маленькій пиръ, за обѣдомъ пили какое то сладкое шипучее вино, а послѣ пили шоколадъ съ пирожнымъ. Всѣ говорили, что проѣхать 100 съ лишнимъ верстъ за мной по такому пути невозможно, и я совсѣмъ уже, хотя и съ горемъ, смирилась съ мыслью, что Святки буду въ Москвѣ. Прошло дня два, я спала въ одной комнатѣ съ крестной, рано утромъ слышу какой то шорохъ, возню, просыпаюсь и не вѣрю глазамъ,—около меня стоитъ закутанная, въ капорѣ, тетя, моя милая чудная тетя Александра Павловна. Она, трусиха на ѣзду, со страхомъ ѣздившая по дурной дорогѣ въ церковь,—пріѣхала за мной по такому ужасному пути. Крестная сама начала ее раздѣвать и спрашивать, какъ она доѣхала. „Ничего,—отвѣчала тетя,—слава Богу, очень хотѣлось Ниночку къ празднику привезти домой, мать скучаетъ объ ней и ждетъ ее!“ все это она говорила какъ бы оправдываясь въ своей винѣ, что пріѣхала сама за мною. „Полно, моя голубушка, видно, вѣдь, кому нужна больше Анюта, вамъ или матери. Баловница вы этакая, что же съ вами подѣлаешь. Ну, Анюта, есть ли у кого на свѣтѣ такой другъ, такое сокровище, какъ у тебя твоя тетя!—сумѣй же ей заплатить за всю ея безконечную любовь къ тебѣ. Ея пріѣздъ за тобой, это вѣдь подвигъ.“—День тетя отдохнула и черезъ день мы отправились въ путь. Коля страшно досадовалъ, что я уѣзжаю. Я съ крестной простилась со слезами и тутъ только почувствовала, какъ я люблю ее и какъ она мнѣ дорога, она также была тронута и говорила: „ну полно, дурочка, мы скоро сами будемъ въ Гремячевѣ, вѣдь теперь—какъ весна, такъ и укатимъ изъ Москвы, это не гимназія, гдѣ бывало ждемъ окончанія ученія до половины Іюня. Лѣтомъ погостишь у насъ и мы съ Колей пріѣдемъ къ вамъ.“ И такъ мы разстались и пустились въ путь. Тарантась или коляска, не помню, была закрытая съ верхомъ. тетя пріѣхала съ Аксиньюшкой своей, мы усѣлись удобно, намъ было тепло, дорога по шоссе была прекрасная, бойкая. ѣхали мы на почтовыхъ, на каждой станціи мѣняли лошадей; но переправы черезъ рѣки были ужасныя, почти невозможныя. Около Коломны Москву рѣку переѣзжали на паромѣ, паромъ шелъ на веслахъ, около плавали куски льда; а Ока представляла изъ себя что то ужасное, на ней нагромождены

были громадныя горы спутаннаго стиснутаго льда, по этимъ льдинамъ надо было перебираться пѣшкомъ. Ямщикъ съ лошадьми и экипажемъ остался на Коломенской сторонѣ; а за нами со стороны Щурова были высланы матерью наши лошади, тоже въ большомъ закрытомъ экипажѣ и провожать насъ по рѣкѣ выѣхалъ Ѳедоръ Ильичъ. Онъ и кучеръ Тихонъ несли насъ большею частью на рукахъ.

Ямщикъ сзади несъ наши вещи. Между льдинами виднѣлись узкія полосы незамерзшей воды. Когда тетя ѣхала въ Москву, еще ходилъ хотя съ опасностью паромъ, но послѣ несчастной переправы, ѣзда на паромѣ была запрещена. Ока была очень широка, шли мы безъ конца и вотъ, о, счастье!—наконецъ, берегъ,—и мы сошли на него благополучно. Тетя молилась и плакала отъ радости. Усѣлись мы въ свой экипажъ и счастливыя покатали по шоссе. Ѳедоръ Ильичъ сказалъ, что къ намъ неожиданно пріѣхалъ младшій братъ моего отца отъ второго брака моего дѣда Ивана Степановича, дядя Матюша, какъ мы его звали. Мой отецъ взялъ его изъ Смоленска, когда ему было лѣтъ 14 или 13. Онъ сначала жилъ въ Карцевѣ и занимался съ ними вмѣстѣ, но не долго, его вскорѣ отдали въ Зарайскъ къ учителю, гдѣ онъ подготовился для поступленія въ военную службу, въ настоящее время онъ уже былъ офицеромъ. Съ матерью послѣ смерти отца часто переписывался. Я обрадовалась этому извѣстію, предполагая, что съ дядей Матюшей насъ будутъ отпускать и кататься и къ знакомымъ. Всю дорогу, пока мы ѣхали, отъ Щурова до Карцева шелъ хлопьями снѣгъ очень сильный. Ѳедоръ Ильичъ часто съ козелъ заглядывалъ къ намъ въ окно и съ радостью объявлялъ: „Снѣгъ то какой валить, завтра же будетъ путь. Слава Богу, а то всё дѣла стали.“ Мать встрѣтила насъ по обыкновенію съ восторгомъ, доходящимъ до истерики. Матюша, Настя, Пелагея Алексѣевна, Ольга Сергѣевна, всё выбѣжали на крыльцо насъ встрѣчать. Я была очень счастлива, что опять дома въ деревнѣ, въ моемъ миломъ Карцевѣ. Узнала, что Лиза Гололобова и Анюта тоже закончили свое воспитаніе у Елизаветы Владиміровны, что отецъ ихъ вышелъ въ отставку и взялъ ихъ изъ Клементьева отъ бабушки и поселился въ Торжневѣ, меньше чѣмъ въ верстѣ отъ насъ и что онъ, самъ Ардаліонъ Васильевичъ, съ дочерьми почти каждый день бываютъ у насъ. Это извѣстіе тоже меня радовало.

Пріѣхали мы домой въ самый сочельникъ, пришелъ священникъ. Я съ великимъ наслажденіемъ опять по старому стала ожидать праздника Рождества Христова. Въ этотъ же день, немного раньше насъ, пріѣхала изъ Бойчицъ тетя Варвара Ивановна. Все какъ бывало

всегда, вечеромъ ходили въ баню, ловили съ фонаремъ въ ригѣ воробьевъ. Утромъ на Рождество были у обѣдни. За завтракомъ мать сказала дядѣ Матюшѣ: „Я тебя, другъ мой, попрошу сейчасъ до обѣда съѣздить въ Луховицы къ лѣсническому Порчевскому, онъ съ женой сдѣлалъ намъ визитъ, а мы у него не были, побѣжай, извинись за насъ и проси ихъ къ намъ на Новый годъ, они оба очень милые люди и намъ съ сестрой понравились.“ Матюша съ радостью исполнилъ желаніе матери и вернувшись сказалъ, что на Новый Годъ они пріѣдутъ непременно, что у нихъ гоститъ братъ жены Порческаго молоденькій офицеръ Гренадерскаго Астраханскаго полка, стоящаго въ Зарайскѣ, что офицера зовутъ Ардаліонъ Людвиговичъ, фамилія Лелонгъ, но что на француза онъ не похожъ. Мать со смѣхомъ сказала: „ну вотъ и еще Ардаліонъ, у насъ теперь въ домѣ будетъ бывать три Ардаліона: Ардаліонъ Васильевичъ Гололобовъ, новый офицеръ и нашъ постоянный слуга, башмачникъ, лакей и охотникъ, мужъ няни Ардаліонъ Семеновичъ.“ Путь сталъ первую недѣлю Свитокъ. Мы съ Матюшей ѣздили въ Кошелево, Александра Александровна, какъ всегда милая, ласковая, разцѣловала меня и расхвалила: „совсѣмъ стала большая, невѣста, стану тебѣ жениха искать!“

Въ Любовь только что родилась у Марьи Дмитріевны дочка Оля и она была больна послѣ родовъ, у ней долго болѣла всегда нога и она должна была лежать. Мы, чтобы не беспокоить ее, къ ней изъ Кошелева, какъ предполагали раньше, не поѣхали. Наканунѣ Новаго Года также была всенощная и новогодній молебенъ. Утромъ послѣ обѣдни къ намъ изъ Кошелева пріѣхали Гололобовы, изъ Торжнева къ обѣду пріѣхали Павелъ Васильевичъ и Александра Александровна, но пробыли недолго. Александра Александровна спѣшила къ своему малюткѣ Колѣ, которому немного нездоровилось, какъ говорила она, но Павелъ Васильевичъ увѣрялъ, что Коля совершенно здоровъ, но Александра Александровна всегда сидитъ какъ на иголкахъ и вѣчно спѣшитъ къ своему ненаглядному сыночку.—Вечеромъ всѣ наши гости уѣхали, кромѣ Гололобовыхъ; Лизу я упросила остаться у насъ погостить.

Часовъ въ 6 пріѣхали Парчевскіе оба, мужъ и жена, а съ ними и ея братъ офицеръ Лелонгъ. Толстенкій, маленькій, мы съ Лизой прозвали его „Ванька-встанька“, тогда были у насъ такія куклы, круглыя внизу, ихъ нельзя положить, онъ сейчасъ же становятся опять. Жена Парчевскаго, Апполинарія Людвиговна, хорошенькая миниатюрная женщина, очень намъ понравилась, особенно дядѣ Матюшѣ.—Самъ

Парчевскій былъ высокій статный и также очень красивый мужчина. Вечеромъ мы танцевали подъ органъ, играли въ разныя игры и намъ всёмъ было весело. Парчевскіе просили насъ 4-го Января къ себѣ, Апполинарія Людвиговна праздновала свои именины. Насъ туда отправили съ дядей Матюшей и Ольгой Сергѣевной. Поѣхали я, Настя, Лиза и дядя съ Ольгой Сергѣевной. Тамъ насъ приняли очень радушно, угощали на славу, играли также въ разныя игры, собирали мнѣнія. Я получила столько похвалъ, что не помнила себя отъ восторга. Играли въ фанты, въ свои сосѣди и т. д. Поздно, почти утромъ, вернулись домой, за что Ольга Сергѣевна и Матюша получили отъ тети и матери выговоръ. Я, раздѣваясь, замѣтила, что потеряла свой широкій бархатный бантъ, которымъ были у меня сколоты косы. Я знала, что мнѣ достанется отъ матери, если она узнаетъ объ этомъ, да и самой было очень стыдно, что я такая растрепана. Заснувши, вижу сонъ:—пріѣхалъ Лелонгъ и привезъ свертокъ: Я въ прихожей встрѣтила его и онъ передавая говорить: „Вотъ Вашъ бантъ.“ Развертываю и что же!—тамъ, вмѣсто банта лежатъ два кольца, надѣваетъ мнѣ на палець оба и одно соскакиваетъ, а Лелонгъ надѣваетъ его на свой палець, говоря: „А это будетъ мое.“ Я спала вмѣстѣ съ Лизой, бужу ее, рассказываю ей сонъ, она говоритъ: „Если ты это, правда, видѣла, а не обманываешь меня, то выйдешь за этого офицера замужъ.“ „Ну ужъ этого никогда не будетъ, не пойду я за этого Ваньку-Встаньку.—Вотъ если бы онъ былъ такимъ, какъ Парчевскій, я бы за него пошла.“—„Да, Парчевскій что то ужъ очень за тобой ухаживаетъ, какъ бы его жена не стала его ревновать за это.“—„Ну вотъ, что выдумала, она сама весь вечеръ проболтала съ Матюшей и на насъ никакого вниманіе не обращала.“ Парчевскіе со Святокъ, чуть не каждый день съ братомъ бывали у насъ или мы у нихъ.

Самъ Парчевскій совсѣмъ очаровалъ мать и тетю, а также и его жена, братъ сталъ мнѣ нравиться, мнѣ съ нимъ было весело; онъ и вся его семья, какъ говорится, меня на рукахъ носили. Въ концѣ Января самъ Парчевскій о чемъ то велъ продолжительныя бесѣды съ матерью и тетей, а сама Парчевская постоянно мнѣ говорила, что Ардоша влюбленъ въ меня, что его огорчаетъ, что я не замѣчаю его любви, да и самъ Ардоша говорилъ часто, что онъ умретъ съ горя, если ему придется уѣхать изъ Луховиць. Лиза перестала надъ нимъ подсмѣиваться и стала его мнѣ расхваливать, такъ шло до масленицы. 16 Февраля у насъ были на блинахъ Парчевскіе и Лелонгъ, все утро до блиновъ Парчевскіе, запершись съ матерью и тетей, о чемъ то долго говорили, мать плакала, а Ардоша былъ самъ не свой и только ска-

залъ: „Сегодня рѣшается моя участь.“ За блинами всё говорили какими то намеками и я понимала, что дѣло идетъ обо мнѣ. Послѣ блиновъ мать строго сказала намъ: „поѣзжайте сейчасъ кататься!“ и приказала запретъ лошадей. „И мнѣ Людмила Павловна, позвольте съ ними поѣхать!“ — „Нѣтъ, — сказала мать, — Вася я попрошу остаться съ нами; намъ нужно серьезно поговорить.“ Мать все это говорила сердито, какъ мнѣ казалось, что стала бояться ссоры между моими и Парчевскими, думала, узнавъ о любви ко мнѣ Ардаши, запретить ему ѣздить къ намъ. Мнѣ стало его очень жаль, мнѣ съ нимъ было весело, я за этотъ мѣсяць привыкла къ нему. Я очень пожалѣла, что Матюша наканунѣ уѣхалъ въ полкъ, онъ бы какъ нибудь уладилъ это. — Катались мы долго, ѣздили до Луховиць. Возвратившись домой, застали всѣхъ въ торжественномъ какомъ то настроеніи. Мать позвала меня наверхъ, въ нашу съ тетей комнату, тети была уже тамъ и имѣла очень разстроенный видъ. Мать обратилась ко мнѣ: „Ты, Нина, навѣрное подозрѣваешь, о чемъ мы цѣлый день говорили съ Парчевскими и съ Ардашиномъ Людвиговичемъ. Я только узнала сегодня, что Делонгъ уже говорилъ тебѣ давно о своей любви, и что ты слушала эти объясненія съ удовольствіемъ, ты все это скрывала отъ насъ, не говорю уже отъ меня, но даже и отъ тети, это очень дурно съ твоей стороны.“ — „Перестань, Людмила, говорить пустяки, скажи ей дѣло, за чѣмъ мы ее позвали,“ сказала тетья. „И вотъ, — продолжала мать, — Делонгъ за тебя сватается, онъ мнѣ нравится такъ-же, какъ и семья Парчевскихъ. Мы съ тетей стары, намъ нужна опора, и если тебѣ Делонгъ нравится, выходи за него замужъ. Онъ обѣщаетъ быть мнѣ настоящимъ сыномъ, будетъ жить съ нами въ Карцевѣ. Ну теперь ступай, вѣроятно Делонгъ найдетъ возможнымъ сегодня поговорить съ тобой; скажи ему то, что тебѣ подскажетъ свое сердце. Я повторяю, на твой бракъ согласна, хотя и нахожу, что ты еще совсѣмъ ребенокъ и тебѣ рано еще думать о свадьбѣ. Особенно Парчевскимъ трудно было уговорить тетю; иди, успокой ее и приласкай.“ Мать прибавила: „Ты знаешь ли, что послѣ смерти отца я назначена вашей опекуницей, а попечителемъ у васъ Алексѣй Васильевичъ Селивановъ, онъ Губернскій Предводитель и зиму живетъ въ Рязани, если ты рѣшишь выйти замужъ, напиши ему. Свадьба твоя можетъ быть не раньше конца Августа.“

Мать ушла, я взглянула на тетю и мы обѣ расплакались. „Тетья, золотая моя, хорошая, — говорила я, — если не хочешь, ни за что не пойду замужъ, ты мнѣ дороже всѣхъ жениховъ на свѣтѣ!“ „Нѣтъ дѣвочка, поступай такъ, какъ тебѣ укажетъ Господь. Правда ты совсѣмъ еще ребенокъ, да мы то стары, вѣдь мнѣ уже 63 года

и матери за 50 давно, и здоровье у меня плохое, намъ нужна поддержка; а семья Парчевскихъ мнѣ очень по душѣ. Умойся, т. е. промой глаза, видно, что плакала, поправь волосы и иди внизъ.“ Я посмотрѣла въ зеркало, я была въ малороссійскомъ костюмѣ, въ который нарядилась какъ прѣѣхала домой, юбка была шерстяная клѣтчатая, вышитая красиво разноцвѣтной бумагой, бѣлая рубашка и множество бусъ на шеѣ, посмотрѣла на себя и осталась довольна собой и побѣжала внизъ. Только что я пришла, Парчевскій сказалъ: „Давайте танцевать кадрилъ. Я уже пригласилъ Елизавету Ардалионовну, Апполинарія Людвиговна сказала: а я танцую съ Настенькой, Ардоша конечно, ни съ кѣмъ не станеть танцевать, кромѣ Ниночки. Ты, Саша, по окончаніи своей фигуры будешь переходить къ намъ, я хочу танцевать, чтобы ты былъ моимъ визави.“ Позвали мою молоденькую горничную Грушу, дочь моей кормилицы, и она стала вертѣть органъ. Началась кадрилъ. Когда окончилась первая фигура и Парчевскій съ Лизой перешли къ Апполинаріи Людвиговнѣ и Настѣ. Мы остались вдвоемъ съ Ардошей. „Вы знаете, что я хочу сказать Вамъ?“ сказалъ онъ. — „Знаю,“ отвѣчала я. — „Ну что же, скажите скорѣе: согласны ли быть моей (онъ запнулся) невѣстой, а потомъ и женой?“

„—Невѣстой быть согласна,—отвѣтила я смѣясь,—а что будетъ потомъ, не знаю.“—Онъ взялъ мою руку и крѣпко поцѣловалъ. „Ну, сказалъ онъ,—я счастливъ, что могу назвать васъ невѣстой, а что будетъ дальше, это уже мое дѣло, я постараюсь, чтобы вы поскорѣе согласились позволить назвать васъ другимъ, несравненно болѣе дорогимъ для меня именемъ! Словами я не могу выразить то счастье, которое дало мнѣ Ваше согласіе. Я знаю только, что 16 Февраля самый счастливый день моей жизни.“

Рѣшено было до Пасхи никому не говорить о нашей помолвкѣ, и мнѣ строго было запрещено даже подругамъ говорить о ней. Но въ тотъ же день вечеромъ рассказали всѣмъ подъ секретомъ, что выхожу замужъ. Лелонгъ постомъ часто къ намъ ѣздилъ, почти каждый день, но насъ ни на одну минуту не оставляли вдвоемъ. При нашихъ свиданьяхъ непременно кто нибудь присутствовалъ. Ардоша этимъ страшно возмущался, особенно Ольгой Сергѣевной, которая постоянно слѣдила за нами. Въ концѣ Пасхи была наша официальная помолвка. Я нарядилась въ бѣлое кисейное платье, то самое, что было на мнѣ въ пансіонѣ на балу послѣ акта. Собрались всѣ знакомые: были Мельгуновы, братъ и сестра, Селивановы изъ Любова и изъ Кошелева, моя милая Александра Александровна при-

везла бѣлыхъ нарциссовъ и сама приколола одинъ букетикъ къ поясу, а другой на грудь. (Эти цвѣты у моего мужа сберегались чуть не до конца его жизни, въ его любимой шкатулочкѣ). Звягины по дорогѣ не могли пріѣхать, Коля написалъ мнѣ смѣшное письмо, начиналось оно такъ: „Когда люди дѣлають глупости, ихъ съ этимъ не поздравляютъ; я зналъ, что тебя можно уговорить на всякую жертву, разъ тебя очень просятъ, вотъ теперь попалась на эту удочку, вѣрно ужъ очень тебя разжалобилъ твой Ардоша, что ты, какъ говоритъ пословица, не спросясь броду, кинулась въ воду. Я, конечно,—писалъ онъ,—буду твоимъ шаферомъ на свадьбѣ и другого тебѣ шафера привезу самъ. Пожалуйста, изъ офицеровъ, товарищей своего жениха никого не приглашай.“—Крестная, кажется, тоже не была довольна, что меня такъ спѣшатъ отдать замужъ. Весной къ намъ часто пріѣзжали товарищи мужа офицеры, мы ѣздили въ боръ цѣлой кампаніей, на Оку. Потомъ вскорѣ мой женихъ съ своимъ полкомъ ушелъ въ лагерь въ Москву на Ходынское поле.

Первое время мнѣ было скучно безъ него, но скоро я вошла въ свою деревенскую колею и почти забыла, что я невѣста, только мнѣ объ этомъ напоминали частыя письма моего жениха: писалъ, что тоскуеть безъ меня, что въ Москвѣ ему все противно. Я отвѣчала коротенькими письмами и то не часто. Мы ходили въ Строилово за цвѣтами и грибами и въ Индриково удить рыбу. Послѣ Троицы ѣздили въ Михайловскій уѣздъ, звать на свадьбу Морсочниковыхъ, тамъ всѣ были удивлены моей помолвкой и Елизавета Ивановна сказала матери: „Ну и надумали же вы, милая, я все мечтала, что Нинушка будетъ моей невѣсткой, что вы ее отдадите за моего Митюшку. Никакъ, никакъ не ожидала, чтобы вы такъ поспѣшили.“

Потомъ заѣзжали въ Бойчицы, звали тетю Варвару Ивановну и, наконецъ, попали въ Гремячево, тамъ пробыли три дня. Ходили съ Колей въ „Валдай“ вспоминали тамъ Григоровича, его описаніе этихъ мѣстъ. Опять у насъ пошли московскіе разговоры о предстоящихъ перемѣнахъ въ государствѣ. Студенты что то затѣвали, у Коли былъ какой то значекъ, по которому они могли узнавать своихъ единомышленниковъ, у нихъ въ это лѣто гостилъ Лаврушевичъ и онъ былъ съ нами всегда. Коля показывалъ карикатуру изъ какого то журнала, гдѣ былъ изображенъ Александръ II-й въ костюмѣ повара, а передъ нимъ множество пѣтуховъ, а внизу надпись: „Господа, я призвалъ васъ сюда затѣмъ, чтобы спросить васъ, подъ какимъ соусомъ васъ изготовить, подъ краснымъ или бѣлымъ“. Пѣтухи изображали помѣщиковъ дворянъ.

которыхъ Государь пригласилъ въ Петербургъ на совѣтъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Коля надо мной смѣялся, что я невѣста, рисовалъ на меня и на моего жениха карикатуры, изображающія нашу будущую семейную жизнь. (Эти карикатуры еще кое какія цѣлы у меня). Вернувшись отъ Звягиныхъ, мать стала собираться въ Москву, дѣлать мнѣ приданое; остановиться намъ крестная предложила въ своемъ домѣ, о чемъ написала туда.

Пріѣхавши въ Москву, дали знать Ардошѣ о нашемъ пріѣздѣ, онъ, конечно, явился тотъ часъ же. Просилъ у матери позволенія взять для насъ ложу въ театрѣ въ Петровскомъ паркѣ, и когда моя бѣлая прелестная шляпа была готова и также и блѣдно розовое кисейное платье, мы поѣхали въ театръ, тамъ было множество офицеровъ, товарищей моего жениха, всѣ были очень любезны. При отъѣздѣ изъ театра, мнѣ было поднесено множество букетовъ, а отъ жениха получила прелестную бонбоньерку, все это тѣшило меня какъ ребенка.

По возвращеніи Гренадерскаго полка изъ лагеря, была назначена моя свадьба 30 Августа 1857 года. Всѣ пріѣхавшіе издалека, какъ напримѣръ Морсочниковы, тетя Варя и крестная съ Колей, пріѣхали наканунѣ; 29 утромъ мы были въ церкви, я служила паннихиду по отцѣ. Посаженнымъ отцомъ у меня долженъ былъ быть Василій Васильевичъ Селивановъ, посаженной матерью моя милая крестная Анна Васильевна Звягина, шаферомъ былъ Коля, а другимъ Готардъ Карловичъ Бьерклюдъ. 30 Августа мнѣ не приказано было сходить съ верху. Я сидѣла тамъ со своими подругами, но Коля пробрался къ намъ черезъ балконъ. Въ 4 часа меня стали одѣвать къ вѣнцу. Платье у меня было бѣлое тюлевое, въ нѣсколько тюниковъ, т. е. юбокъ, одна короче другой, на бѣломъ шелковомъ чехлѣ. Прической занялись Морсочниковы барышни, они на это были великія мастерицы, серьги надѣвала Марія Дмитріевна, какъ самая счастливая женщина въ замужествѣ. Обуваль меня ея сынъ Алеша который долженъ былъ ѣхать и съ образомъ въ церковь. Въ башмакъ былъ положенъ крестной маленькій 3-хъ рублевой золотой.—Когда меня одѣвали, пріѣхалъ отъ жениха его шаферъ Эльканъ, съ огромнымъ подносомъ конфетъ и бонбоньерокъ моимъ подругамъ, мнѣ была прислана тоже прекрасная бонбоньерка, бѣлая атласная украшенная флеръ-де-оранжемъ. Шаферъ объявилъ, что женихъ дожидается меня въ церкви; мнѣ прикололи вѣнокъ изъ флеръ-де-оранжъ, накрыли громадной вуалью изъ тюля

и свели внизъ, тамъ стоялъ большой столъ, на немъ стоялъ черный громадный хлѣбъ съ серебряною солонкою полной соли на верху и другой бѣлый разукрашенный куличъ тоже съ серебряной солонкой; это были приношенія посаженныхъ отца и матери,—ржаной отъ Василя Васильевича, а бѣлый отъ Анны Васильевны. Первая при входѣ въ залу меня встрѣтила Александра Александровна, расцѣловала и сказала, что поѣдетъ меня вмѣстѣ съ крестной провожать въ церковь. Тутъ же послала она Колю съ огромной корзиной цвѣтовъ въ церковь, приказала тамъ усыпать цвѣтами полъ, изъ Любова тоже было привезено множество цвѣтовъ и букетовъ для моихъ подругъ, у меня былъ тоже прекрасный букетъ изъ бѣлыхъ левкоевъ съ бѣлыми лентами.—Около стола былъ разосланъ коверъ, и меня стали благословлять. Сначала благословила мать, потомъ Василій Васильевичъ, потомъ крестная; она передала образъ тетѣ и заставила ее непременно благословить меня, говоря: „Вѣдь вы ей, моя дорогая, ближе всѣхъ насъ“. Потомъ я съ моими посаженными сѣли на секунду за столъ. Когда встали, меня заставили со всѣми проститься и, наконецъ, усадили въ карету; день былъ чудный, но тутъ нашло облако и черезъ солнце пошелъ дождь,—со мной крестная мать, Василій Васильевичъ и Александра Александровна,—и всѣ они сказали, что дождь предвѣщаетъ мнѣ счастливую жизнь. Въ церкви меня встрѣтилъ женихъ, грянулъ хоръ пѣвчихъ, весь полъ былъ усыпанъ цвѣтами. Насъ поставили на шелковыя розовыя подножки, дали въ руки нарядныя большія свѣчи. Вѣнчалъ насъ нашъ отецъ Петръ, который и крестилъ меня, а также и дьяконъ Иванъ Петровичъ, оба помнили мое рожденіе и крестины. Служба совершалась очень торжественно. Отецъ Петръ былъ глубоко вѣрующій человекъ и служилъ прекрасно. Василій Васильевичъ до конца жизни вспоминалъ мою свадьбу и говорилъ, что лучшей службы во время совершенія брака онъ никогда не видалъ. Намъ надѣли и перемѣнили кольца, потомъ надѣли вѣнцы. Коля и тутъ не могъ не пошкольничать и время отъ времени изо всей силы нажималъ мнѣ на голову вѣнецъ.—И что то мнѣ нашептывалъ, но слушать мнѣ его не удалось. По окончанія вѣнчанія мы отслужили молебенъ. Отецъ Петръ сказалъ моему уже мужу, а не жениху, маленькую рѣчь, прося его, со слезами въ голосъ, любить и беречь меня. Потомъ всѣ стали насъ поздравлять, было очень шумно и суетливо, пѣвчіе все еще что то пѣли. И, наконецъ, насъ усадили въ карету, уже двоихъ съ мужемъ. Такъ, кончилась моя юность и я перестала быть дѣвочкой, а стала женщиной въ 15 съ половиной лѣтъ. Много пришлось вынести и хорошаго и дурного, много было разочарованій, обманутыхъ надеждъ, но все это я перенесла безъ отчаянія и тоски. Во всемъ

всегда мнѣ помогала любовь къ моему родному уголку. Я здѣсь въ моемъ родномъ Карцевѣ всегда находила покой и миръ душевный. Нигдѣ я такъ не молилась, какъ въ нашей бѣдной деревенской церкви. И вотъ, теперь уже 70-ти лѣтняя старуха, одна доживаю здѣсь мой вѣкъ и благодарю Бога, что онъ опять привелъ меня сюда. И надѣюсь на милосердіе Бога, что умру здѣсь, а не въ какомъ либо другомъ мѣстѣ.

Карцево.

30-го Марта 1913 г.

